

Марис Лиепа

Беседа Оксаны Карнович с князем Н.Д. Лобановым-Ростовским

В музее Гуггенхайма перед тремя рисунками А.К. Богомазова, подаренных им музеем. Нью-Йорк, 1975. Фото Мариса Лиепы

Кн.Н.Л.-Р. Несмотря на наши многочисленные встречи с Марисом, безумно обидно, что у меня нет ни одной совместной фотографии с ним. Он принимал участие в некоторых интересных событиях, связанных с моей жизнью. Например, я как-то подарил Музею Соломона Гуггенхайма в Нью-Йорке три рисунка Александра Богомазова. Спустя 2 года я попросил музей одолжить их на выставку, но мне

ответили, что Богомазова у них нет. В 1975 г. Большой театр гастролировал в Нью-Йорке. Мы попали на балет «Лебединое озеро», где Марис танцевал Зигфрида, а Марина Леонова Одетту-Одиллию. Приезд Большого театра совпал с выставкой в Гуггенхайме «Recent Gifts» («Недавние дарения» – О.К.) На ней были выставлены три моих рисунка Александра Богомазова. Мы ходили на эту выставку с дирижером Большого театра Альгисом Жюрайтисом и Марисом. Марис сфотографировал меня на фоне этих рисунков, что позже послужило доказательством, что я их подарил музею.

В 1976 году я приехал в Советский Союз вместе с председателем нашего банка, по долгу службы посещавшего страны, которым наш банк одалживал более 100 миллионов долларов. Тогдашние сто миллионов долларов равняется, скажем, сегодня миллиарду долларов. Когда президент ездил с супругой, по протоколу я также должен был присутствовать со своей. Супруга президента любила балет. Я приехал на три дня раньше них, чтобы подготовить бытовые условия для этой супружеской пары в триплексе Армана Хаммера в гостинице «Интурист». (Этой гостиницы больше нет. Она находилась справа нынешнего «Националя» на Тверской). Я позвонил Марису: «Вижу, что через три дня у тебя спектакль. Не мог бы ты мне достать шесть билетов?». Он мне сказал: «Да, конечно». Позже перезвонил и сказал: «Увы! Все места распроданы, и никому нет никакой возможности получить билеты». Я прихожу к искусствоведу Бобу Бродскому. Он видит, что я выгляжу огорченным, и спрашивает почему? Я ему рассказываю. Он говорит: «Вы привезли, как обычно, «подарки с вашей банковской рекламой: запонки, галстуки?». Я отвечаю: «Да, целый мешок». «Сколько билетов хотите?». Я говорю: «Шесть». «Почему шесть?». «Потому что нас четверо,

плюс голландский посол с супругой...». Я привез наши рекламные подарки Бродскому. На следующей день он мне выдал шесть билетов в партер в 15 ряду. В антракте мы идем к Марису. Он оказался в полном ошеломлении и настолько сконфужен, что провозгласил: «После спектакля я вас приглашаю на ужин в "Националь"». На ужин Марис пришел с какой-то подругой. Весь ужин состоял только из икры и шампанского.

Были времена, когда, как и сегодня в России, проблемы можно было решить взяткой. Но тогда взятки были минимальные. Сейчас бы это стоило 1000 долларов, наверное. Но это Вам пример событий и ситуаций, которые, в общем-то, выстраивают личные отношения.

О.К. *Какой спектакль Вы смотрели, когда Марису не удалось помочь купить для Вас билеты в Большой?*

Кн. Н.Л.-Р. Мы смотрели как раз «Спартак». За ужином он, как яркая личность, доминировал за столом. Он старался сгладить свое неудобство за то, что он не смог достать нам билеты. Старался всех нас развлечь. Он оттанцевал сложнейшую эмоциональную партию Спартака и затем, несмотря на усталость, угощал и развлекал нас в ресторане!

О.К. *Какой это был год?*

Кн. Н.Л.-Р. Это был 1985 год. Я помню дату, потому что в этот же год я видел Владимира Васильева в «Жизели». На меня произвело неизгладимое впечатление, когда Васильев выходил с верхней правой стороны сцены и нес белые лилии к могиле Жизели. Это было очень чувствительное зрелище, когда его плащ спадал с плеч, и лилии одна за другой падали на могилу Жизели и он в задумчивости склонялся у гроба. Это был изумительно эмоционально заряженный момент. По-моему, в партии Альберта в исполнении Васильева, ничего лучшего нельзя придумать. В этой роли также изумительно хорош был Эрик Брун. Я помню, как я восхищался его талантом не только, как танцора, но и актера, способного передать душевность и эмоциональность этого образа, без чего, в общем, не обойтись в классическом балете, в отличие от плясок и современных танцев.

С Владимиром Васильевым в киностудии во время съемок фильма-балета «Жизель». Локарно. 1985

О.К. *Васильев танцевал «Жизель» с Екатериной Максимовой?*

Кн.Н.Л.-Р. Обычно он танцевал с Максимовой, которая была блестяща и профессиональна в этой роли. Она была изумительно приятным и светлым человеком в жизни. Было очень комфортно и уютно просто находиться в ее присутствии. Когда я приходил к ним домой, она подавала нам чай, ухаживала за нами. У нее была очень приятная аура.

О.К. Как и где Вы познакомились с Марисом?

Кн. Н.Л.-Р. Я дружил с дирижером Большого театра Альгисом Жюрайтисом, который был «приемным сыном» известного московского коллекционера Якова Рубинштейна. По-моему, мы познакомились через Жюрайтиса в 1973, когда Большой был на гастролях в Нью-Йорке. Наше знакомство продолжилось, поскольку я приезжал в Советский Союз, по крайней мере, раз в год. Я, конечно, бывал у него на квартире. Помню, его супругу актрису Маргариту Жигунову. Красивая женщина. Они жили в Брюсовом переулке перпендикулярным к Тверской улице. Прежде это была квартира известной балерины Екатерины Гельцер. Многогранный и талантливый танцор, Марис был чрезвычайно привлекательным и убедительным. Самое простое доказательство его таланта это, что в балете «Спартак» он мог одинаково исполнить как роль Спартака, так и Красса. Марис был хорошим актером, передавал и волю, и духовность, и душевность. О нем очень много написано. Это величина в балетном искусстве. Он обладал исключительной балетной техникой, а в сочетании с Васильевым в балете Юрия Григоровича «Спартак» останется навсегда непревзойденным Крассом. Он так преждевременно ушел из жизни...

Н.Д. Лобанов и Ю.Н. Григорович. Москва, 2014

О.К. Юрий Николаевич Григорович партию Спартака задумал для Мариса. И Марис репетировал сначала Спартака. Но потом в процессе репетиций все поменялось – Васильев стал Спартаком, Марис блестяще исполнил Красса, гениально создав образ римского триумфатора. Триумф Красса – это личный триумф Мариса Лиены.

Кн. Н.Л.-Р. Да. В воспоминаниях современников Лиена останется лучшим исполнителем партии Красса. Он рано ушел из жизни, ему было 52 года... А после Перестройки в его жизни наступила хаотичная пора. Зато мой другой друг Володя Васильев – харизматичная личность, талантливый танцовщик и балетмейстер – продолжает работать. Увы, Марис ушел молодым. Его дети Андрис и Илзе стали достойными преемниками своего отца и заняли собственные ниши в мировом балете. Отец явно гордился бы ими.

О.К. Да. Огромное спасибо детям – Андрису и Илзе, которые хранят память об отце. В его письмах к Вам, сквозит такая грусть и нереализованность.

Кн. Н.Л.-Р. Марис приехал в Софию с большой горечью. Потому что он не мог работать в Советском Союзе, где он был не востребован, где ему ничего не предлагали. Не предлагали и на Западе. Поэтому ему пришлось стать главой болгарского балета. Марису это было чрезвычайно трудно, потому что уровень софийских танцоров был низким. А Марис так бы много мог сделать на мировой сцене!.. Он два года руководил Болгарским Национальным балетом (1983-85 – *О.К.*). В Москве же дела у него шли плохо.

Мы часто с Марисом поднимались на гору Витоша до самой вершины. У нас происходили долгие беседы, во время которых Марис постоянно фотографировал. Когда я много позже спросил Андриша: «Что же случилось с этими фотографиями?», – он ответил: «Все как-то пропало после его кончины». Так что у меня нет визуальных доказательств нашего знакомства, кроме его писем ко мне и книг с его автографом.

О.К. Его письма являются доказательством самого дружеского отношения, и самой теплой связи между Вами. Он так породному обращается к Вам в письме – «Никитушка»... (см. письмо от 31.I.1985 ниже – *О.К.*) Для Мариса Эдуардовича Лиена работа в провинциальной труппе Софийской оперы должна была бы казаться ссылкой...

Кн. Н.Л.-Р. Это было и «экономической» ссылкой, потому что в Софии мало платили. После него эту должность занял Юрий Григорович. Даже этому великому хореографу XX века, которого можно сравнить с Макмилланом, пришлось подрабатывать в Софии, потому что в перестроечные времена он никому не был нужен.

О.К. Все-таки Юрий Николаевич Григорович значительно выше Кеннета Макмиллана.

Кн. Н.Л.-Р. Да, но «Ромео и Джульетта» Макмиллана хореографически ярче постановки Григоровича в Большом. Духовность в балетах Макмиллана совершенно иная. Они оба оставили свой след на мировой сцене своими постановками. И у каждого он свой. Они оба одинаково велики для меня.

О.К. О! Это, безусловно. Спорить не буду.

Кн. Н.Л.-Р. Оксана, я геолог и не специалист по балету. Просто выражаю вам свое мнение. Для Мариса работа в Софии была трагедией, несмотря на то, что у него был роман в Софии с красивой балериной. В Софии была только одна балерина мирового уровня – Вера Кирова... Привлекательная, она жила в чудной квартире на верхнем этаже в доме на улице Оборище, напротив французского посольства. Но для Мариса она уже была «антиквариатом».

О.К. Почему?

Кн. Н.Л.-Р. Я думаю, что это был вопрос тактильного ощущения. Он привык держать молодые, юные тела. А когда этого нет, уходит и притяжение... Для него это было естественным. Но это обстоятельство

совершенно не влияло на Нуреева, у которого был активный сексуальный роман с Марго Фонтейн – она была намного старше него. Рудольфа это не останавливало... В Софии Марис чувствовал, что у него нет перспективы. Когда мы встречались в Софии, он производил на меня впечатление униженного системой человека. И, может быть, ему было не стыдно со мной обсуждать многие жизненные темы, потому что она знал, что ранее я видел его на вершине успеха... Мы подолгу гуляли по Софии, ходили в горы. Ему хотелось высказаться. Я его поддерживал, как мог. Так что, софийский период был для него трудным и горьким.

***О.К.** О чем Вы беседовали во время прогулок? Что он испытывал, рассказывая о том, что было в Москве? Говорил ли о прошлом или будущем?*

Кн. Н.Л.-Р. Он рассказывал о прошлом, но с сожалением. Он не видел для себя светлого будущего. В этом-то и была загвоздка.

***О.К.** Не видел перспективы в Софии?*

Кн.Н.Л.-Р. Абсолютно нет. К сожалению, после ухода из Большого, на мировой сцене Марис не был востребован. Почему Рижский театр его не пригласил? Почему Ковент-Гарден?... С Англией, конечно, все сложнее. Там шла страшная борьба против приглашения из Советского Союза кого бы то ни было. Я помню, три ведущие балерины театра Ковент-Гарден сказали, что, если пригласят Наташу Макарову, то они все уйдут из театра. Слава Богу, это не совершилось. Почему он не захотел поехать в Нью-Йорк? Его приняли бы как беженца. Наверное, это было унижительно для него. Он был одного уровня с Нуреевым и Барышниковым. Но они утвердились на Западе молодыми. Может быть, он уже чувствовал себя слишком старым? Конечно, начинать с нуля в чужой стране очень тяжело, когда переи́ден сорокалетний рубеж... Время ушло. Для сравнения, я как-то спросил Жюрайтиса: «Почему Вы не остались в Нью-Йорке, когда были там с Большим театром?». Жюрайтис мне ответил: «Я недостаточно хорош. Поэтому я дирижер балета, а не дирижер оперы, где нужно быть гораздо лучше». Его откровение поразило меня.

Долгое время мы были очень близкими друзьями, до того, как в 1977 году он написал открытое письмо в «Правду» против Юрия Любимова, который должен был ставить «Пиковую даму» в Париже. Прежде того, как опера была поставлена, Жюрайтис ее раскритиковал и, вследствие этой критики, СССР нарушил контракт. Любимов не поставил «Пиковую даму», и Советский Союз заплатил 50,000 долларов неустойки Парижской Опере. После этого я больше не хотел с ним встречаться.

Увы, неоспоримо то, что в Советском Союзе не было творческой свободы. На Западе пишут критические статьи только после того, как критик посмотрел постановку. А в России и сегодня люди пишут критику на фильм «Матильда» до того, как его увидят. По этому же принципу в советские времена многие критиковали роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго».

О.К. Приезжая на гастроли в Лондон, Марис приходил к Вам с Ниной в гости?

Нина Лобанова и Марис Лиена на ужине в Доме архитектора после открытия выставки собрания Лобановых-Ростовских в ГМИИ им. А.С. Пушкина. Москва. 1988

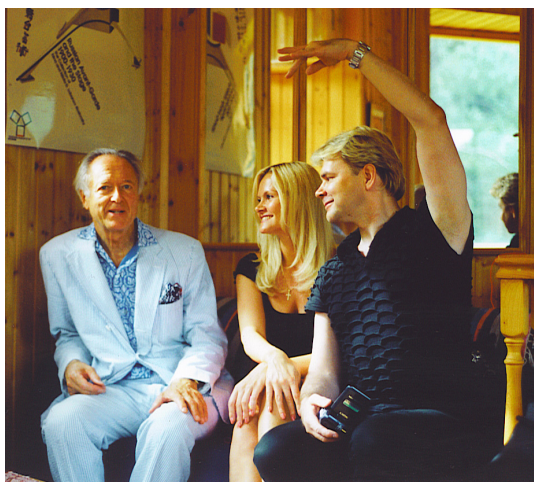
«подкармливал» разговор своей точкой зрения. Тогда-то и удается содержательная и интересная беседа. А на встречах в Лондоне мне приходилось переводить для Нины и Мариса, что мешало непосредственности общения.

О.К. А Ваши встречи в Софии?

Кн.Н.Л.-Р. В Софии мы в основном встречались днем на 3-4 часа. В Софии ему было нечего делать. А я приезжал по банковским делам, и, сделав их, был свободен. Поэтому я мог уделять так много времени нашим прогулкам по Витоше и походам в ресторан.

О.К. Вы уделяете время тем людям, которые вам интересны?

Кн.Н.Л.-Р. Определенно. В Софии я также гулял по горам с моими друзьями детства профессором Платоном Чумаченко и доцентом Светом Петрусенко. Но я не приглашал их на прогулки с Марисом, чтобы не

С Андрисом Лиеной и его бывшей женой Катей в Доме-музее Лобановых-Ростовских в Филях. Москва. 2007

Кн.Н.Л.-Р. Да. Но беда была в том, что Марис не говорил на языках. Васильев говорит по-английски, а Марис – нет. Нина тогда очень мало говорила по-русски, так что одним из моих больших сожалений было то, что застольные разговоры не могли стать общими, что было бы гораздо интересней. Мы часто встречались. Нина ценила Мариса, так как она знает и любит балет. Но тогда у нас не получалось таких дружеских бесед, как если бы Марис сидел тут, и разговор был бы «треугольным», где каждый бы

обременять Мариса разговорами о геологии. Да и просто эгоистически предпочитал слушать его рассказы на балетные темы. Потому я уделял ему так много времени в Софии, и особенно из-за того, что я чувствовал, что ему было тяжело.

О.К. Ему тоже было необходимо с Вами общаться... С детьми – с Илзой и Андрисом, Вы познакомились через отца?

Кн.Н.Л.-Р. По случайности. Уже настала Перестройка. Наверное, это был 1992 год. Меня пригласили на телевизионную программу в Москве, на

которой зрители могли звонить в студию. Один из зрителей сказал: «Я Андрис Лиепа, вы знали моего отца. Я хотел бы с Вами встретиться». Я сказал: «С удовольствием. Я проживаю в гостинице "Националь", заходите». И Андрис пришел. Но последние годы мы редко видимся. Когда он приезжает в Лондон, он мне не звонит. Я его тоже не беспокою.

О.К. Поскольку наша беседа состоялась благодаря письмам Мариса, которые Вы получали в его софийский период жизни, на Ваш взгляд он находил удовольствие, работая и преподавая в Софийской Опере? Все-таки там он отметил 30-летие творческой деятельности (в то время, когда Большой театр проигнорировал это событие); там он осуществил редакции балетов «Дон Кихот» и «Спящая красавица».

Кн.Н.Л.-Р. Как бывший преподаватель геологии в Колумбийском университете, я знаю на собственном опыте, что работать с неинтересующимися предметом и не слишком развитыми студентами и скучно, и жутко. А работа с людьми, которые в поисках знаний стремятся получить степень магистра или защитить кандидатскую диссертацию, по крайней мере, создает предпосылки к взаимному общению со студентами и приносит удовлетворение от передачи им своих знаний и советов. В Софии был «сырой» материал. Марису приходилось учить людей азбуке, когда он пришел учить их литературе. Мне было бы интересно узнать у моего друга Юрия Григоровича, как, будучи мировым хореографом, он воспринимал свое обучение людей азбуке в Софии, когда он приехал туда на смену Марису.

О.К. Большое спасибо Вам за беседу, за ваши воспоминания и письма Мариса к Вам, которые Вы согласились опубликовать...

ПИСЬМА ОТ МАРИСА ЛИЕПЫ К Н.Д. ЛОБАНОВУ-РОСТОВСКОМУ

Получено 12.X/1984

Дорогой Никита!

Я безумно виноват перед тобой, что не ответил на твои послания. Как ты успеешь что впервые но были оправдывающие меня обстоятельства. — то есть. «Продолжение моего контракта» Это заняло у меня почти пол года. А мне надо ещё быть здесь год. И это будет! «Я разделял и властвовал» как М.Л. Красс и теперь надо расплачиваться. Жду тебя и люблю.

Твой Марис Лиепа

PS Смотрел вторую премьеру «Видение розы». «Успех огромный»

Получено 31 янв. 1985

Никитушка!

Из около 30 фотографий отправляю 3 т.к. здесь больше «кодак» нельзя напечатать. Негативы у Ратиева (Леонид Ратиев, живущий тогда в Софии, друг детства Н.Д.; Н.Д. познакомил Ратиева с Марисом — О.К.) и 2 фото.

Остальные в моем альбоме . Повсюду как кинозвезда... Был в Москве, потом болел, теперь все по старому. Когда приедешь, дай знать или позвони (Sheider before 348 14 94)

Целую

Твой Марис

PS Узнай пож. телефон Torry Benton! Наверно знаешь его. Его старый тел. не отвечает, он был в архив офис Ковент Гарден.

Дорогой

Пишу из Аэропорта Варны, где жду самолета в Софию! Закончился мой 2-ух годичный контракт и меня «ссылают» в Москву на 120р. Пенсию в месяц: Чудная перспектива, т.к. пока новых предложений нету... За работу здесь, Министр Болгарии представил мне отпуск – отдых на 20 дней в «Золотых песках». Было очень мило, т.к. проезд Москва-София-Москва + Гостиница и 280 левов на еду все бесплатно. Теперь уже конец и скоро домой. Надеюсь в Софии повидать друзей наших и узнать какие-либо новости о тебе. Пиши по прежнему адресу, или в Б. театр. В августе в Москве успел сняться в худ. фильме «Лермонтов» в роли Императора Николая I-ого. Было очень забавно, т.к. оказался в гриме: в усах-бакенбардах очень похож. Пришлю фото. Интересно, что съемки были в Кремле в апартаментах Екатерины – якобы в Зимнем дворце. Еще предстоит в Январе съемки в Ленинграде... Дочь Илзе готовится в Ф.Р.Г. Андрис снимается в Т.V. балетном фильме. Нина в Австралии на 2 месяца. Павлина повредила ногу и уже 2 месяца лечится – не танцует. Если поедешь в наши края позвони Н. Shneider 348 14 94.

Пора лететь.

Привет дома и друзьям.

Твой Марис Лиэпа. Сегодня мои именины.

15 сент. 85 г.

PS Вчера были у Ратиевых

Все как всегда ели языки.

Привет М.Л. 22 сент. 85